

А. Звигильский

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТУРГЕНЕВ

**(По материалам новых приобретений
Музея Ивана Тургенева в Буживале)***

Общество друзей Ивана Тургенева во Франции с 1977 года выпускает ежегодные «Тетради», посвященные Ивану Тургеневу, Полине Виардо и Марии Малибран («Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran»). В его ведении находится вот уже 25 лет Музей Тургенева в Буживале, который пополняется благодаря дарениям и приобретениям музейных и рукописных материалов.

В августе 2006 года коллекция музея пополнилась картиной, которую я бы назвал знаменитой, поскольку на ней изображен Тургенев в костюме охотника. Художник Николай Дмитриевич Дмитриев-Оренбургский изобразил охоту на фазанов, организованную Урием де Гинцбургом для великого князя Николая Николаевича в начале декабря 1879 года в замке Шамбодуэ, в окрестностях Питивье, в 80 километрах от Парижа. Картина представляет собой большое полотно (164 × 103 см), выполненное маслом. Она была приобретена для Романовской художественной галереи в Зимнем дворце в начале XX века. После революции 1917 года она считалась утраченной. Ее исчезновение до сих пор не было объяснено ни историками искусства, ни тургеноведами.

В первое десятилетие своего существования Советский Союз, как известно, испытывал потребность в западной валюте. Ввиду этого часть картин из больших музеев была продана за границу. Именно таким образом картина Дмитриева-Оренбургского, изображавшая Тургенева с поднятым ружьем в центре охотничьей группы человек в тридцать, из которых все были русскими, была предложена для продажи членам дипломатического корпуса в 1928 году. Ее приобрел представитель Министерства иностранных дел Берлина при германском посольстве в Москве г. Лане, преподававший русский язык немецкому послу. Для того чтобы приспособить ее к интересам покупателя, картина получила название «Дипломатическая охота».

Сын г-на Лане Александр, умерший в 1995 году, уверял, что на картине изображен германский посол в Париже Хлодвиг Гогенлое-Шиллингсфюрст, что весьма сомнительно, если добавить, что Александр Лане добавлял в эту компанию также представителей французского

* Доклад, прочитанный на юбилейной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева в Москве 24 сентября 2008 г.

реализма и натурализма: Гюстава Флобера, Эдмона де Гонкура, Виктора Гюго, Эмиля Золя, Ги де Мопассана и Альфонса Доде. Настало время попытаться определить каждого из персонажей... более тщательным образом, чем это было сделано Людмилой Кузьминой.¹

Картина была обнаружена в окрестностях Мюнхена профессором русской литературы университета в Бале Андреасом Гуски, который сумел убедить ее владелицу госпожу Юлиану Лане передать полотно в музей Буживаля, где оно было помещено в холле, уже украшенном витражами, представляющими сцены из «Записок охотника». Эта симпатичная история, позволившая теперь любоваться в доступном для всех пространстве картиной, которая считалась утраченной, рассказана Андреасом Гуски в одном из последних номеров «*Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran*».²

К сказанному следует добавить, что Николай Дмитриев-Оренбургский был членом Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, устав которого, составленный Тургеневым, был недавно обнаружен мною. Основанное в 1877 году писателем-меценатом, это Общество по структуре и статусу походило на те будущие французские Общества, которые были учреждены по закону от 1 июля 1901 года. Речь идет о совершенной независимости от политической и верховной власти. Благодаря этой независимости наше «Общество друзей Ивана Тургенева» смогло выйти из всех перипетий, которые случались с ним за 25 лет существования. Публикация этого устава будет осуществлена при помощи одного искусствоведа, автора солидного каталога, посвященного Алексею Харламову (1840—1925).

В течение долгого времени Россия не знает аукционов. Во Франции они проходят во многих городах. Именно таким образом мне удалось приобрести в одном провинциальном городе, в Анжере, книгу Проспера Мериме с дарственной надписью И. С. Тургеневу.

Рукопись «Пожара на море» (16 страниц) была приобретена на аукционе в Отеле Друо после объявления, сделанного в аукционном каталоге 7 марта 2007 года, где была указана начальная стоимость в 2000 евро. Я знал, что найдется немало желающих ее купить и что цена ее вырастет. А поскольку Общество друзей Тургенева располагает ограниченными возможностями, я заручился финансовой поддержкой одного из членов Общества на сумму, не превышающую 11 000 евро. Торги шли стремительно, наконец, цена поднялась именно до указанной суммы. Я в последний раз поднял руку, чтобы показать, что все еще участвую в торгах, и сказал своему соседу: «Дальше я не пойду!». Ка-

¹ Кузьмина Л. И. Тургенев и художник Н. Д. Дмитриев-Оренбургский // Т Сб. Вып. 3. С. 264—271. На вклейке после с. 264 здесь воспроизведен этюд Дмитриева-Оренбургского к картине «Охота, устроенная бароном Гинцбургом вел. кн. Николаю Николаевичу близ Парижа», хранящийся в Литературном музее Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

² Guski Andreas, Seljak Anton. Essai sur un tableau disparu // *Cahiers*. N 25 (2001). P. 193—201. Здесь же между с. 198 и 199 воспроизведено само полотно.

ково же было мое удивление, когда мой яростный конкурент тут же произнес: «Я отступаюсь».

Таким образом, этот драгоценный документ вернулся именно туда, где он был записан Полиной Виардо у постели больного Тургенева, продиктовавшего его по-французски. Он будет помещен в специальной стеклянной закрытой витрине, чтобы посетители могли его видеть.

Разумеется, рукопись «Пожара на море» будет опубликована в одном из номеров «*Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran*», так же, как и несколько других документов, которыми я располагаю, к сожалению, в виде фотокопий. Эти публикации обогатят наши представления о творчестве Тургенева, как это сделала несколько лет назад публикация расширенной редакции рукописи «Семейство Аксаковых и славянофилы», подготовленная Н. Генераловой и В. Кошелевым при моем участии.³ Ограничусь тем, что просто перечислю то, что предстоит опубликовать:

«Отцы и дети» (список опечаток, рукопись, 7 страниц, из которых 4 страницы текста);

«Дым» (список действующих лиц нового романа. Париж. 1863, 3 страницы: Литвинов и Ворошилов);

«Рассказ отца Алексея» (2 редакции; 1-я редакция — 7 страниц, 2-я — 11);

«Экспромт заезжего капитана, записанный в 1790 году, в шестой день мая» («Новь», глава XIX), «Никогда я не забуду...», 12 стихов вместо 10, как в окончательном тексте романа, и с другой датой: «Холодово, 5 августа 1813»;

«Воспоминания о Шевченке» (4 страницы);

«Мирович», 8 страниц (начало и действие IV, на немецком языке).

Я располагаю также фотокопиями текстов, не принадлежащих Тургеневу. И хочу порадовать Наталью Ивановну Михайлову, назвав 8 страниц рукописи, представляющей оперный сценарий Владимира Никитича Кашперова на тему «Капитанской дочки» Пушкина (8 страниц), который сохранил Тургенев, а потом семья Виардо.

Среди рукописей, которые имеются в моем распоряжении, есть два письма Белинского к Тургеневу, частично воспроизведенные писателем в «Воспоминаниях о Белинском». Одно из них написано в Петербурге 19 февраля (3 марта) 1847 года, другое, тоже из Петербурга, — 1 (13) марта 1847 года. Эти письма находились в конверте, на котором Тургенев написал: «Письма Белинского (и Станкевича) (к И. С. Тургеневу)». К сожалению, писем Станкевича в этом конверте не оказалось.

Есть также письмо Полины Виардо к Михаилу Виельгорскому (3 страницы на французском языке) от 15 (27) апреля 1844 года.

Наконец скажу о, возможно, самой важной рукописи (поскольку она полная) — «После смерти, повесть Ив. Тургенева», которая была «на-

³ Тургенев И. С. <Семейство Аксаковых и славянофилы> / Публ. Н. П. Генераловой, А. Я. Звигильского, В. А. Кошелева // РЛ. 1995. № 4. С. 146—156.

чата в Буживале, в понедельник, 21/9 августа 1882, завершена в Буживале, в пятницу, 1-го сентября/20 августа 1882», с подробностями о каждом дне работы.

Эта последняя рукопись Тургенева была написана за бюро в рабочем кабинете его шале в Буживале. Среди его большой библиотеки, находившейся позади рабочего стола, были и книги Альфреда де Мюссе. Он вдохновлялся его «Декабрьской ночью», когда писал свое стихотворение в прозе «Когда я один... (Двойник)» в ноябре 1879 года. Он, должно быть, читал в «Литературной и критической смеси», появившейся в издательстве Лемерра в 1876 году, хвалебную статью Мюссе «Концерт мадемуазель Гарсия» и поэму «О дебютах мадемуазель Рашель и Полины Гарсия». Поэт был влюблен в обеих женщин. Ему удалось быстро соблазнить первую, но во второй он натолкнулся на равнодушные. Он отомстил Полине серией карикатур на ее свадьбу с Луи Виардо, устроенную Жорж Санд. В этих карикатурах он выступает как предшественник комиксов. В повести «После смерти (Клара Милич)» имя героини ассоциируется с именами Рашель и Полины Виардо: «Мы еще не знаем хорошенько: Рашель она или Виардо?.. потому что она и поет превосходно, и декламирует, и играет... Талант <...> первоклассный!». А весельчак Купфер восклицает: «Рашель! Виардо!» (глава III).

Первостепенный для изучения истоков повести документ завершает чтение Мюссе. Речь идет об автографе письма на трех страницах Полины Виардо к Мюссе, которое не датировано. Оно было приобретено нашим Обществом в Париже. Почерк его «крупный и неправильный», и в нем, как и в письме Клары к Аратову, отсутствует подпись (глава VI). Но есть кое-что более интересное: свидание, которое Полина назначает Альфреду де Мюссе, удивительно похоже на встречу Клары и Аратова на Тверском бульваре (глава VI). Бессвязные речи Аратова на тротуаре приводят в отчаяние влюбленную девушку, которая ожидала совершенно другого. Он не понял, что она любила его. Тогда она становится «злой и дерзкой» (глава VII), как умела это делать, а вернее великолепно играть Полина Виардо. Эта актриса умела изобразить такую смелость, в которой психоаналитики усмотрели бы знаки сексуальной привлекательности: «У меня свело руку из-за того, что я держу ее протянутой, с раскрытой ладонью, в ожидании вас», и следом призыв: «Приходите завтра <...> моя рука в том же положении».

Письмо Полины Виардо было опубликовано в последнем номере «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran» вместе со статьей Мирей Доттен-Орсини о свадьбе Полины и Луи Виардо.⁴

В этом же номере читатель найдет статью судебно медицинского эксперта Софии Мартен-Дюпон, автора диссертации о «спондилартропатии у народов прошлого». Статья называется «Иной взгляд на болез-

⁴ См.: *Dottin-Orsini Mireille. Le Mariage de Pauline Garcia avec Louis Viardot: une bande dessinée d'Alfred de Musset // Cahiers. N 25 (2001). P. 3—24; Zviguilsky Alexandre. Une lettre inédite de Pauline Viardot à Alfred de Musset // Ibid. P. 27—31.*

ни и смерть Тургенева» и переворачивает все наши представления, существовавшие до сегодняшнего дня.⁵ Оказывается, Тургенев умер не от рака спинного мозга, а от костномозгового сжатия, вызванного воспалением над тремя позвонками грудной клетки и одновременно воспалением верхней доли правого легкого. С другой стороны, у Тургенева никогда не было подагры ввиду отсутствия отложений кальция и натрия на краю ушной раковины! Мне бы очень хотелось, чтобы предположения, высказанные Софией Мартен-Дюпон, были рассмотрены русскими медиками.

Тургенев доверял французской медицине. В 1882 году, когда писатель уже был тяжело болен, он решил познакомить своего буживальского врача Манена с парижским семейным доктором Полем Сегоном. В этом убеждают письма Тургенева к последнему, но теперь и приобретенное для музея письмо к Манену свидетельствует о том же. Это письмо от 24 июня 1882 года является еще одним свидетельством присущей писателю доброжелательности, а также его верности своему ремеслу. Эмиль Дюран-Гревиль, переводчик произведений Тургенева, имел основание писать: «Никогда его страдания не вырывали из его груди жалобы, никогда не возмущался он ужасной несправедливостью, превратившей существование этого человека добра в адские муки <...>. Он собирался извлечь из своих страданий психологический этюд, записав испытываемые им ощущения и подчас безумные мысли, которые приходили ему в голову во время этих нечеловеческих мучений». Не высказаны ли эти «безумные мысли» несколько недель спустя в повести «После смерти»?

Поскольку мы упомянули имя Эмиля Дюран-Гревиля, следует сказать, что в том же номере опубликована статья Пьера Дюверже об одной неизвестной стороне деятельности этого переводчика Тургенева, много лет прожившего в России и к тому же ставшего изобретателем метеорологии! Желанием Пьера Дюверже было выяснить, имел ли отношение этот сотрудник петербургской газеты «*Journal de Saint-Petersbourg*» отношение к становлению метеорологии в русской столице между 1866 и 1872 годом.⁶

Многим исследователям предстоят еще работы о Тургеневе-человеке и Тургеневе-художнике. Прекрасная программа этих дней приоткроет нам завесу над тем, что представляет сегодня Тургенев в культурном пространстве человечества. Это именно то, что мы пытаемся показать в нашем Музее, куда я вас сердечно приглашаю, всех тургеноведов, пушкинистов и гоголевцев, поскольку 1 апреля 2009 года мы организуем в Буживале международный коллоквиум на тему «Смех Гоголя и смех Тургенева».

⁵ *Martin-Dupont Sophie*. Un autre regard sur les maladies et la mort d'Ivan Tourguéniev // Ibid. P. 129—136.

⁶ *Duvergé Pierre*. Emile Durand-Gréville (1838—1914), un traducteur de Tourguéniev aux talents éclectiques // Ibid. P. 145—151.